

Поступив в 1955 г. на факультет журналистики Уральского университета, я оказался в компании одаренных и широко начитанных ребят. Главное же, что мои новые друзья по курсу — Леонид Кудрявский, Валерий Савчук, Леонид Ероховец, Юрий Высоцкий, Алексей Солоницын — были весьма критически настроены к окружающей нас социалистической действительности. (При этом все мы мечтали о литературном — не журналистском! — творчестве). В студенческом общежитии на улице Чапаева бывал и старший брат Леши Солоницына, Анатолий: лысоватый и сутуловатый студент Учебной студии при Свердловском Драмтеатре. Мое знакомство с ним произошло только году в 1959-м (помню совместную групповую поездку летом на ВИЗ — озеро у Верх-Исетского завода). Подружились же мы еще позднее, в период с августа 1963-го по май 1964-го, когда я вернулся в Свердловск после странствий по стране.

Толя уже работал в Драмтеатре — и однажды предложил мне написать тексты песен для постановки «Белоснежка и семь гномов», намечавшейся там. Он вообще одобрял мои стихотворные пробы (переводы с английского), даже включил один или два в свою «концертную программу». Как почти все артисты тогда, он подрабатывал (это называлось «халтура»), выступая как декламатор на радио, в школах и т.д. Сам Толя в быту был крайне неприхотлив (если не аскетичен) и зарабатывал деньги, чтобы помогать родителям, жившим во Фрунзе, и «Альчонку», рано обзаведшемуся семьей. Помню, как все мы радовались его первой — и главной! — роли в кино — тридцатиминутном телефильме «Дело Курта Клаузевица» (1963). (Это был дебют в художественном кино Глеба Панфилова, дружба с которым у Толи сохранилась и в дальнейшем). Помню радость, когда Толя получил от театра собственную комнату в доме с коридорной системой на улице Малышева (до этого он снимал жилье, одно время обретался в гостинице «Большой Урал»). Пол и каждую из стен этой ком-

наты Толя выкрасил в отдельный цвет, посередине стояли раскладушка и два стула. Раза два я ночевал у него — и утром был свидетелем его речевой разминки: он без конца перекачивал во рту разные «бда, бде, бду», немислимые скороговорки, а также, вырабатывая смирение, напоминал себе: «я — говно, я — говно»...

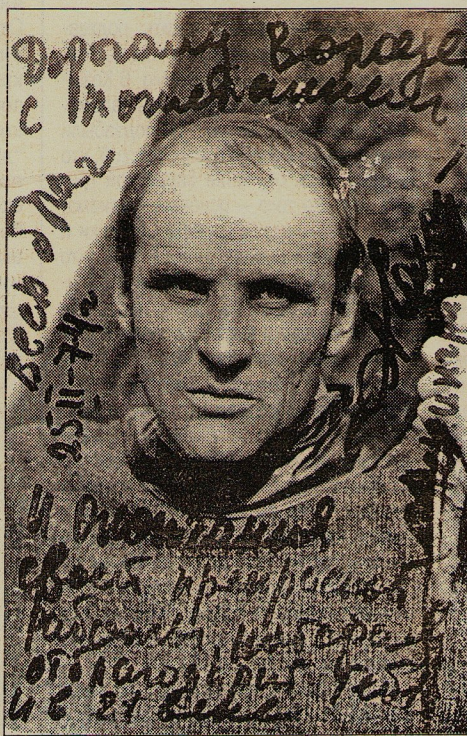
В этот период он впервые женился — на театральной гримерше, весьма ветреной особе. Неисправимый романтик, Толя видел в ней Соню Мармеладову и верил, что любовью и доверием поможет ей переродиться. Увы, гримерша не читала Достоевского — и брак этот вскоре распался. Уже на свадьбе (по рассказу Толи) произошел конфликт: один из актеров, красавец В. Гаев (сильно подававший и впоследствии спившийся) решил «пошутить». Цитируя известный одесский анекдот, он возгласил: «А кто еще не спал с невестой?» И добряк Толя, типичный рефлектирующий интеллигент, не долго думая, разбил о голову «первого любовника» графин с лимонадом! Вообще, пэтэушная и заводская юность оставили в нем умение постоять за себя: когда однажды ночью на него напали на пустынной улице двое, он лихо разделался с ними: одного, ухватив за уши, приложил носом к колену, другому столь же стремительно врезал ногой в пах...

Вскоре в его жизни появилась студентка (моложе его на 11 лет) Лариса Сысоева. (12 января 1964 они вместе были у меня на Уралмаше.) Обжигшись на первом браке, Толя теперь не торопился в ЗАГС и держал подругу «в строгости». «Кто в доме хозяйин?» — грозно спрашивал он ее. «Ты!» — готовно отвечала она.

Владимир Купченко

МОЙ ДРУГ АНАТОЛИЙ СОЛОНИЦЫН

Штрихи к портрету

Анатолий Солоницын в фильме «Солярис».
Фотография, подаренная автору.

«Что мое слово?» — настаивал он. «Закон!» — следовало в ответ. Эта, якобы шуточная сценка разыгрывалась ими неоднократно.

Беззаветный труженик, Толя каждый день выучивал по стихотворению (и знал их тьму); старался следить за всем ценным, что тогда обильно лилось на нас со страниц «Нового мира», «Иностранной литературы», «Юности»; не пропускал выставок. Прочитав в «Искусстве кино» сценарий фильма о Рублеве, он так загорелся, что на свой страх и риск, взяв в театре отгулы, отправился в Москву — и сумел добиться фотопроб в гриме монаха. Вернувшись домой, месяца два ждал — почти без всякой надежды — ответа. Однако последовал вызов на кино-

пробу (снова поездка за свой счет и, как он сам считал, провальная), и новое мучительное ожидание... У никому тогда неизвестного провинциального актера были грозные, именитые соперники (помню среди них И. Лапикова). Даже когда Андрей Тарковский заявил, что никого другого он в роли Рублева не видит, ему пришлось отстаивать кандидатуру Солоницына не на одном художественном совете. Ошеломительную новизну я получил от нашего общего друга В. Савчука в Коктебеле (куда перебрался в августе 1964) — и 26 марта 1965 сообщал маме: «Толика утвердили на роли!» Это была как бы общая наша победа: один из нас «прорвался»!

На следующую зиму я сам собирался в Москву — и в конце января 1966 г. получил первое в жизни письмо от Ан. Солоницына: «Ох, и удивился же ты, старый, — в кои-то веки пишу тебе письмецо. Не обижайся на меня за молчание — я ведь никому не пишу, а если и черкну пару строк, то раз в полгода».

А тут судьба кинула меня в кино. И верчусь я в нем до сих пор, да так, что жизнь знаменитой белки в колесе кажется мне райской. Идет черная работа (правда, работы, да особенно черной, я не боюсь — ты это знаешь), но, видимо, года дают себя знать — я стал уставать. Усталость накапливается ежедневно, а до отдыха еще далеко. Закончим фильм, видимо, в июне-июле месяце.

Побывал я во Владимире, в Пскове, скоро поеду в Новгород. Сейчас съемки в Москве — в павильоне и в Андрониковом монастыре. Каким будет мой Рублев — я не знаю; — пока от-

даю ему всего себя без остатка — всю кровь, весь пот! (...) Сегодня первый день в этом году свободный — отоспался (а время-то уже 8 часов вечера) и решил черкнуть всем разом (...). Мои координаты: Москва, Мосфильм, группа «А. Рублев» — это адрес, куда можно писать в любое время, — где бы я ни был, мне передадут письма. (...) Ну, черкни или приезжай. И обязательно найди меня, старый!! Я очень хочу тебя повидать — очень!! Обнимаю. Твой Только. 27/1 — 66. Москва».

В феврале мы встретились на «Мосфильме» (издали видел я и А. Тарковского — отношения с которым у Толи порой осложнялись, но по большому, творческому счету оставались незабываемыми). Толя много мне порассказал о съемках, о новых друзьях, о киношных интригах, — но мой дневник за 1964-1968 гг. был впоследствии украден, а память сохранила мало. Поразила меня эпизод с подожженной живой коровой в сцене монгольского набега. О том, как истово Толя работал над ролью, говорит другой, рассказанный им эпизод: Рублев в фильме дает обет молчания — и Толя, чтобы полнее войти в это состояние, месяц или два вне съемочной площадки не открывал рта, объясняясь знаками...

В следующем письме (из Владимира от 25 марта 1966) он рассказывал о приезде в Москву брата с женой Люсей и дочкой Ивой. «Сводил их в Третьяковку, к Рублеву — показал им красоту русскую».

Я тогда осваивал профессию экскурсовода, собирал крымско-ведическую библиотеку — и 21 апреля Толя выслал мне аж 16 брошюр по Крыму, в основном 1920-х годов, купленных «оптом» у букинистов. А в открытке сообщал: «Завтра уезжаю в Псков — там последние съемки моей роли — осталось пять сцен. Нервов уже нет — усталость побеждает. Вспоминаю частенько афоризм о последнем дюйме. Надо бы выдержать, а на плечи давит безразличие и усталость — я уже не говорю о сомнении и мнительности».

Начал изучать английский — сам не знаю, зачем и почему вдруг, — захотелось и все».

Следующее письмо датировано 3-м сентября 1966. «Рублев» никак не кончался.

«Эге-гей! Это я!»

Вот я снова в Москве — и снова работа над той же ролью. Записываю себя на пленку. После месяца отдыха — три дня работы отодвинули меня от безоблачного Исык-Куля на три года. Ощущение такое — отдыха не было. Сейчас мне снова хочется отдыхать, ни о чем не думать, но, к сожалению, есть надо каждый день. Что буду делать дальше — не знаю. Хочу года на два-три уйти работать в кино. Если вдруг у меня выйдет одно дело с Арменией — я засду к тебе на несколько деньков. (...) Вчера впервые видел весь фильм (он теперь называется «Страсти по Андрею») целиком — с музыкой, шумами и т.д., т.е. первый черновой фильм. Здорово, черт побери! Это — единственная радость! Моя роль довольно неровна — это понятно. Но для дебюта я сделал даже больше, чем я могу. Врагов — среди актеров и режиссеров — у меня появилось достаточно. С февраля буду, видимо, сниматься на Ленфильме. Там роль интересная и режиссер (Глеб Панфилов) мой старый свердловский друг — отличный парень. (...) Обратного адреса у меня сейчас нет. Где буду — еще не знаю».

Ломоносов

Окончание следует.